

Тихонов В.В.

Идеологические кампании как форма контроля и управления советской исторической наукой (1945–1955 гг.)

Управление наукой – проблема до сих пор слабо изученная. Замечено, что именно управление позволяет поддерживать связь науки, общества и государства, играя роль объединяющего фактора между этими сферами социальной жизни. Значение науки в XX в. существенно возросло по сравнению с другими периодами истории, причем роль эта оказалась двойной. С одной стороны, науке предъявляется социальный заказ, который является формой влияния общества на науку, а с другой – наука, посредством знания, влияет на развитие общества во всех его сферах. Особенно эта связь заметна на примере историографии. Историческая наука, чья практическая значимость не всегда очевидна, в XX в. оказалась едва ли не самой политизированной отраслью знаний. Именно в таком виде она оказалась востребована в т.н. социальном менеджризме. Политизация и мифологизация истории – явление типичное для всех режимов, но в СССР, из-за специфичности его общественной структуры, это оказалось особенно заметно.

Советская историческая наука – явление сложное и неоднозначное. При несомненных и значительных достижениях, которые нельзя игнорировать, очевидна ее заидеологизированность, нередко приводившая к отсутствию альтернативы в освещении исторических фактов и явлений. Признание исторической науки как важного компонента в идеологической системе стало причиной регулярного вмешательства в развитие советской историографии со стороны официальных идеологов. Но прямых методов контроля и управления оказалось не достаточно, поэтому ее важнейшим компонентом оказалась и такая форма управления, как идеологические кампании, которые, вне зависимости от их направленности, являлись элементом политического контроля.

Исходя из всего вышесказанного, советскую науку 1930–1950-х гг. можно классифицировать как квазинауку. Под квазинаукой понимается такой тип науки, который держится на использовании властного, репрессивного ресурса. Характерной чертой такой науки является «преобладание негативного содержания над позитивным»¹. То есть главное усилие направляется не на создание нового научного продукта, а на критику противников. Примером квазинауки может служить «марризм», «лысенковщина», работы И.В. Сталина и т.д.

Заметим, что этот элемент, хотя и существенно влиял на состояние науки в СССР, не всегда был определяющим: наука зачастую сохраняла собственную логику развития. Кроме того, существующее положение дел не отменяло известной свободы научного творчества. Сложившаяся идеологическая система видела свою главную задачу в подавлении чуждых ей идей, а не в создании новых. И хотя источником новаций зачастую выступал сам «вождь народов», академические круги не оставались в стороне от формирования концепционного облика советской историографии. Более того, в период складывания официальной советской исторической науки (с 1920-х гг. по середину 1960-х гг.) еще не было понятно, какие концепции будут официально приняты, а какие отвергнуты. И вот здесь возникала своеобразная лазейка для творчества. Не случайно на протяжении всех 1920-х–1940-х гг. проходила череда важнейших дискуссий, посвященных коренным проблемам исторического процесса.

¹ Леглер В.А. Идеология и квазинаука // Подвластная наука? Наука и советская власть. М., 2010. С. 80.

Многие специалисты в целом невысоко оценивают прошедшие дискуссии², но тот факт, что они были, не стоит забывать.

В советское время для контроля за наукой были применены, наверное, все возможные способы: от идеологического давления, цензуры и гонений до различных видов поощрений и социальных преференций. Надо отметить, что репрессивные методы показали свою эффективность: моральная травля, а иногда и физическая расправа над человеком приводили к тому, что в дальнейшем он (если оставался жив) становился гораздо более податливым в отношении новых идеологических установок и требований.

Самой громкой акцией такого рода в исторической науке было т.н. «Академическое дело», когда многие историки «старой школы» были арестованы и высланы из Москвы и Ленинграда³. Через некоторое время многие из них вернулись в науку, но теперь они стали гораздо более лояльными к действующей власти. Тем не менее, у такого способа контроля были и существенные недостатки: всех репрессировать было невозможно, поэтому эффект устрашения не охватывал всего научного сообщества. Казалось бы, остальные историки должны были видеть перед собой печальный пример и бояться такой же участи, но в реальности так было не всегда. Например, С.Б. Веселовский, каким-то образом избежавший ареста и тем самым не прошедший горнила репрессий, до конца жизни вел себя оппозиционно по отношению к официальной историографии. И таких примеров немало. Поэтому наравне с гонениями широко применялся и другой способ управления – поощрения. Особенно эффективно себя зарекомендовала комбинация «кнута и пряника». Пройдя через аресты и ссылки, а потом получив невиданные ранее блага, многие историки превращались в покорных слуг советского режима. Показателен случай С.В. Бахрушина, который, будучи подследственным по «Академическому делу», по возвращению влился в истеблишмент советской исторической науки, рьяно (а главное искренне) защищал И.В. Сталина, считая его выдающимся деятелем русской истории⁴.

Контроль имел как институциональную форму (управление университетами и академическими институтами, финансирование), так и внеинституциональную (репрессии, идеологическое давление, поощрения, неформальный контроль научного общества и т.д.). Идеологические кампании были внеинституциональной формой контроля. То есть они не были зафиксированы законом, их проведение не являлось неотъемлемой функцией учреждений образования и науки. Другое дело, что эти учреждения всегда были потенциально готовы к проведению таких публично-идеологических процессов. Более того, и само научное сообщество, пройдя репрессии Гражданской войны и 1930-х гг., было психологически готово к репрессивным кампаниям, воспринимая их как ужасающую, но неотъемлемую и потому привычную часть действительности.

Если рассматривать идеологические кампании через призму их статуса в системе управления, то бросается в глаза несколько особенностей: во-первых, их неофициальный характер (но вполне с официальными последствиями), а во-вторых – нерегулярность их действия. Возникновение очередной кампании, такое логичное с точки зрения исследователей, для современников оказывалось совершенно неожиданным. Еще вчера можно было что-то говорить, а уже завтра это считалось преступлением. Еще одной важной чертой кампаний была их массовость: в них

² Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 124–161.

³ Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1995.

⁴ Дубровский А.М. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. С. 202.

невольно принимало участие все научное сообщество. Одни были гонителями, другие – гонимыми, иногда роли менялись.

Главной целью кампаний было создание образа врага. «Особенностью идеологемы врага является то, что она используется не только как инструмент уничтожения или запугивания врагов или «неудобных» для режима лиц, но и как обыденный инструмент реализации политического контроля, управления массами»⁵.

В данной статье будет разобран механизм управления и функционирования идеологических кампаний периода «позднего сталинизма» (первое послевоенное десятилетие). В качестве наглядного примера берется широко известная «кампания по борьбе космополитизмом».

Послевоенное время традиционно связывают со стабилизацией советской системы, изменением международного статуса СССР, ставшего сверхдержавой. Эти два фактора, в особенности международный, определяли вектор развития советской внутренней политики. Послевоенное время вообще отличалось очень высокой «плотностью» идеологических кампаний. Причину этого исследователи видят в стремлении вождя и «выращенной» им номенклатуры мобилизовать общество в условиях не только международной напряженности, но и роста внутреннего свободомыслия, спровоцированного победой в войне⁶. Спецификой борьбы с космополитизмом было то, что каждый, в независимости от ранга или заслуг, мог оказаться под огнем критики. Особый «интерес» проявлялся к лицам еврейской национальности, в чем проявился личный антисемитизм «отца народов», подогретый внешнеполитическими промахами (например, образование неподконтрольного Израиля), и традиционные антисемитские настроения среди широких слоев общества.

Кампания по борьбе с космополитами имеет предысторию. В 1946 г. прошла критика журналов «Звезда» и «Ленинград», была «разоблачена» вредительская деятельность Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина и т.д. Политическая обстановка в стране и мире стремительно менялась. От сотрудничества со странами-союзниками по антигитлеровской коалиции СССР перешел к конфронтации. Уже прозвучала знаменитая речь У. Черчилля в Фултоне, последовал на нее советский ответ. Мир все больше втягивался в «холодную войну». Внешнеполитические факторы все отчетливее проявлялись во внутренней политике. 13 августа 1947 г. в «Правде» вышла статья «Советский патриотизм» первого заместителя начальника (а затем и начальника) Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС, Д.Т. Шипилова. Он утверждал, что СССР уже не догоняет развитые западные страны, а «странам буржуазных демократий, по своему политическому строю отставшим от СССР на целую историческую эпоху, придется догонять первую страну подлинного народовластия»⁷. Такое заявление предполагало вывод о самодостаточности русской истории и культуры.

Важнейшим дополнением к антикосмополитической риторике стала борьба с «буржуазным объективизмом». Советскую пропаганду беспокоили не только симпатии советской интеллигенции к западным странам, но и влияние представителей т.н. «буржуазной науки» на советскую науку, в первую очередь гуманитарную. Причем под запретом оказывались как работы представителей европейской науки, так и наследие отечественных дореволюционных ученых. Зримым явлением борьбы с объективизмом стало обсуждение книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии».

⁵ Володина Н.А. Советская система политического контроля 1945–1953 гг. // Преподавание истории в школе. 2008. № 3. С. 41.

⁶ Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 117; Наджафов Д.Г. Введение // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. М., 2005 и др.

⁷ Шепилов В.Т. Советский патриотизм // Правда. 1947. 13 августа.

В 1948 г. ситуация еще более осложнилась. 15 марта на Ученом совете Института истории С.Д. Сказкин сделал доклад «О патриотическом долге советского ученого», где прозвучал призыв «борьбы с буржуазной историографией, особенно с англо-американской»⁸. В июле того же года прошла конференция, посвященная 30-летию архивного дела в СССР. На ней крупнейшие и официально признанные советские историки Е.В. Тарле и А.Д. Удальцов требовали разоблачения «антинаучных концепций буржуазных историков» и четкого размежевания советской и дореволюционной буржуазной историографии⁹. Таким образом, последовала официальная «отмашка» на интенсификацию историографических исследований в русле борьбы с «несоветской идеологией».

Но прошедшие кампании еще не были борьбой с космополитизмом, хотя там и звучала схожая риторика. Сама кампания против «космополитов» в центральной прессе была достаточно скоротечной: она проходила всего несколько месяцев, с зимы по весну 1949 г. Уже начиная с лета, главным врагом были объявлены «Тито и его клика»¹⁰. Но инерция антикосмополитической борьбы была достаточно велика: в регионах кампания продолжалась. При этом надо добавить, что начало новой кампании не отменяло предыдущих, продолжавших действовать, тесно переплетаясь с вновь начавшейся. Так, «борьба с космополитизмом» тесно переплелась с борьбой против «объективизма», поэтому зачастую их называют одним термином – «кампания по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом».

Механизм ее прохождения был следующим: решения принимались в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), которым в то время заведовал М.А. Суслов. Видимо, активное участие в них принимал И.В. Сталин, всегда живо интересовавшийся (а послевоенное время особенно) вопросами идеологии. По советской традиции тех лет сигнал к началу проработок давался в одной из центральных газет (в то время главными идеологическими рупорами стали газеты «Правда», «Культура и жизнь» и «Литературная газета»). 28 января 1949 г. в «Правде» появилась статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», давшая начало общесоюзной кампании. Основной удар пришелся на представителей интеллигенции еврейского происхождения. Причем предпочтение отдавалось поиску групп «космополитов», исходя из большей тяжести коллективных преступлений. В исторической науке такой группой стала «группа Минца-Разгона», куда были зачислены многие историки еврейского происхождения, занимавшиеся советской историей.

После официального старта развитие ситуации во многом зависело от конкретной ситуации в той или иной научной области. В советской исторической науке в послевоенное десятилетие сложилась крайне запутанная, потенциально конфликтная ситуация. Во-первых, тлело противостояние между представителями т.н. «старой школы» (историками, сложившимися в дореволюционное время) и первым поколением историков-марксистов, как правило, учениками М.Н. Покровского. После разгрома «школы Покровского» (1930-е гг.) многие представители дореволюционной академической исторической науки вернулись в университеты и академические институты, потеснив молодых историков-марксистов. Последние не могли смириться со сложившимся положением, продолжая рассматривать «незванных гостей» как представителей чуждой идеологии и методологии. Во-вторых, после войны подросло новое поколение историков, окончивших университеты незадолго до войны, во время

⁸ Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 175. Л. 25.

⁹ Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки. Историографический вестник за 2004 г. М., 2005. С. 189.

¹⁰ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 119.

или несколько после. Зачастую они являлись учениками как историков «старой школы», так и историков-марксистов¹¹. Многие из них были искренне преданы своим учителям, но карьерные амбиции других также не стоит недооценивать. Академические должности и звания сулили немалый материальный достаток и почет в обществе, и хотя в провинции существовал острый кадровый голод преподавателей ВУЗов, в столицах все «теплые места» были заняты, поэтому кампания по дискредитации одних, помогала другим занять их места. По мнению А.М. Некрича, особенно активной была группа учеников А.Л. Сидорова: «Многие из учеников А.Л. Сидорова были бывшими фронтовиками... По сравнению со своими «зелеными» товарищами, не прошедшими школы войны, они обладали значительным жизненным опытом и твердо знали, чего хотят. Большинство из них были членами партии. Очень быстро фронтовики заполнили почти все выборные партийные, комсомольские и профсоюзные должности, а также аспирантуру. Они хотели учиться и получать знания, но они считали себя по праву первыми претендентами на освободившиеся вакансии. Вакансий же было немного...»¹².

Кроме конфликта поколений налицо был и более традиционный конфликт сторонников разных концепций. Проявлялось противостояние университетских школ: на проработочных заседаниях неоднократно всплывал конфликт московской и петербургской исторических школ, хотя об их существовании в то время нужно говорить с известной долей условности. Не стоит отбрасывать и личные противоречия, замешанные на научных и карьерных амбициях. В таком сообществе, окутанном массой противоречий, корпоративных и личных, всегда существовал соблазн разрешить их при помощи административного ресурса.

Хотя импульс в проведении кампании всегда шел сверху, дирижирование на местах (в конкретной области науки или искусства) всегда ложилось на одного или двух человек. В исторической науке таким дирижером стал А.Л. Сидоров. А.Л. Сидоров стремился занять лидирующие позиции в советской исторической науке, чему мешал, в первую очередь, И.И. Минц. Именно на разгром «команды» И.И. Минца был направлен основной удар критики. Примешивались сюда и нотки личной неприязни. В 1947 г. А.Л. Сидоров написал разгромную статью на курс лекций И.И. Минца¹³. В дальнейшем он характеризовал И.И. Минца как «паразитический тип» и признавал своей заслугой то, что «выставил его из университета»¹⁴. В своей деятельности А.Л. Сидоров опирался на молодых, идеологически проверенных (партийных) соратников, часто бывших фронтовиков.

В ходе кампании использовались два мощных инструмента: печать и коллективные (в том числе и партийные) собрания. Особую роль играла пресса. Сначала разгромные статьи печатались в центральных СМИ, а затем схожие материалы появлялись в региональных и отраслевых органах, и даже в стенгазетах. Но последние не только копировали лозунги, идущие сверху, их задачей было разоблачение неблагонадежных людей на местах. Именно упоминание в официальной печати становилось самым страшным клеймом, сразу указывая на объект всеобщей критики. Исходя из вышесказанного, становится понятным, почему с таким трепетом историки (как и другие представители «интеллектуальных профессий») ожидали выхода очередного номера официальных изданий. Например, С.С. Дмитриев в своем дневнике

¹¹ См. подробнее: *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений. М., 2008.

¹² *Некрич А.М.* Поход против «космополитов» в МГУ // *Континент*. 1981. № 28. С. 304–305.

¹³ *Сидоров А.Л.* Рец. на кн.: *Минц И.* История СССР (апрель 1917–1925). Лекции в Высшей партийной школе. М., 1947. // *Культура и жизнь*. 1947. № 33.

¹⁴ *Сидоров А.Л.* Институт красной профессуры // *Мир историка*. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 400–401.

фиксирует, с каким напряжением ждали выхода мартовских номеров газеты «Культура и жизнь», где по слухам, один из номеров должен был быть целиком посвящен историкам¹⁵. К счастью, такого специального номера так и не появилось.

Показателен эпизод с известным историком Е.Н. Городецким, близким к И.И. Минцу. Городецкий принадлежал к новому поколению историков, воспитанных на советских идеалах. Долгое время он проработал в редакции «Истории гражданской войны». С 1942 по 1949 гг. он работал в отделе науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б). Но ярко выраженные антисемитские кампании 1949 года привели его к отставке из аппарата ЦК и заставили сосредоточиться на лекторской работе в МГУ и Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). Но именно в образовательных учреждениях его настигли самые тяжелые удары. Сначала он подвергся критике как «безродный космополит» на открытых заседаниях Академии общественных наук при ЦК ВКП (б), затем на заседаниях Ученого совета исторического факультета МГУ, а окончательный удар был нанесен в ходе собрания преподавательского состава ВПШ. По итогам последнего мероприятия появилась статья в газете «Сталинец»¹⁶, где Городецкий подвергся уничижительной критике как сподвижник И.И. Минца. Несмотря на все письма в высшие инстанции, реабилитации не последовало¹⁷.

Не менее важным компонентом кампаний являлись «проработочные» собрания. Коллективные дискуссии, с обязательной критикой и признанием ошибок, – это элемент партийной культуры того времени. Из партийной среды они переключались во все сферы жизни советского общества. Именно они были призваны подавить стремление жертв к сопротивлению. Причем, чем упорнее не признавал своей вины обвиняемый, тем сильнее было на него давление. Внешне собрания проходили в демократической обстановке: инициатива их проведения исходила от коллектива, каждому желающему давалась возможность выступить. Но в реальности они превращались в заранее спланированный спектакль.

Наиболее острые столкновения проходили во время заседаний в Институте истории АН СССР. Именно Институт истории, как центральное научно-историческое учреждение, оказался в эпицентре кампании. 24, 25 и 29 марта 1949 г. в институте прошли заседания Ученого совета, где повесткой дня стала борьба с космополитизмом¹⁸. Эти заседания показательны с точки зрения тех схем, по которым проходили такие собрания. Начиналось все с выступления главы института Б.Д. Грекова, который призвал к борьбе за патриотизм, мягко уйдя от «космополитических обвинений». Но тон на заседании задавали другие: А.Д. Удальцов и А.Л. Сидоров. Они указали на необходимость активной критики и самокритики, требовали разоблачить антипатриотические группы «космополитов» и т.д. Затем их почин подхватывали партийные историки А.П. Кучкин, А.М. Панкратова, после которых слово давалось тем, кто попал под обвинения. На следующий день все повторялось заново. Начинали заседание партийные активисты: В.Т. Пашуто, Л. Сухомлин. Затем опять следовало выступление критикуемых. Причем во время выступления каждый должен был сначала подвергнуть себя самокритике, а затем раскритиковать своих коллег. Если выступавший пытался увильнуть от этих «обязанностей», то критика только усиливалась. К такому же эффекту приводило и стремление опровергнуть критику. Если накал критики начинал постепенно спадать, то

¹⁵ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 149.

¹⁶ До конца разоблачить космополитизм в преподавательской и научной работе школы. С партийного собрания преподавательского состава // Сталинец. 1949. 29 марта.

¹⁷ АРАН Ф. 2055. Оп. 1. Ед.хр. 72. Л. 1–3.

¹⁸ АРАН Ф. 1577. Оп. 2. Ед.хр. 207–209.

слово брал кто-то из молодых коммунистов, вновь возвращавший заседание в русло «борьбы с космополитизмом».

Такие собрания, кроме давления на человека, преследовали и другую цель. В ходе взаимных обвинений неизбежно портились и межличностные отношения, тем самым раскалывая сообщество историков, делая его более разобщенным и управляемым. Последствия таких личностных обид сказывались на протяжении долгого времени. Так, по свидетельству Н.И. Павленко, М.Н. Тихомиров всячески препятствовал выбору Л.В. Черепнина в академики, памятуя о его критике во время кампаний против С.Б. Веселовского и самого М.Н. Тихомирова¹⁹.

Кампании никогда не завершались в том смысле, что их идеологические установки продолжали действовать (если не менялся радикально идеологический курс, как это было в 20-е гг.), тесно переплетаясь с последующими акциями. Например, в риторику борьбы с «космополитизмом» органично влились идеологемы кампаний по «борьбе за советский патриотизм», «борьбе с буржуазным объективизмом», «борьбе за критику и самокритику» и т.д. В свою очередь основные клише космополитических погромов оказались составной частью дискурса последующих кампаний.

Итак, главной целью кампании была мобилизация населения в общем и отдельных интеллектуальных групп в частности. Кроме того, проходящие процессы должны были укрепить молодое поколение в верности советскому строю, показать, как было показано до этого старшему поколению, что все зависит от власти. Достигли ли они своей цели? Как показывают источники, скорее нет. Именно борьба с «космополитами» у многих развеяла существовавшие иллюзии. По меткому замечанию А.Я. Гуревича: «...кампания имела для нас в той или иной форме – это зависело от восприятия – воспитательное значение»²⁰. Многие именно после проработок разочаровались если не в советском строе, то, во всяком случае, в Сталине. Например, уже упоминавшийся Е.Н. Городецкий. Если в 30-е гг. он верил в политику Сталина, то затем перешел на антисталинские позиции²¹.

Таким образом, идеологические кампании стали важной внеинституциональной формой контроля и управления исторической наукой. Опираясь на низменные человеческие чувства (страх, карьеризм, зависть и т.д.), они позволяли эффективно насаждать в академической среде властные предписания. Но, несмотря на свою силу, к счастью, они не смогли окончательно подавить свободу творчества и достоинство личности.

Список литературы:

1. Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1995.
2. *Володина Н.А.* Советская система политического контроля 1945–1953 гг. // Преподавание истории в школе. № 3. 2008. С. 39–42.
3. До конца разоблачить космополитизм в преподавательской и научной работе школы. С партийного собрания преподавательского состава // Сталинец. 1949. 29 марта.
4. *Дубровский А.М.* Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. М.: Университетская книга, 2000. С. 192–206.

¹⁹ Павленко Н.И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 24.

²⁰ Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 41.

²¹ Покровский А.С., Лавров В.М. Диалог об учителе (Памяти Е.Н. Городецкого) // Кентавр. 1993. № 6. С. 113.

5. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. № 3. 1999. С. 142–169.
6. *Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009.
7. *Леглер В.А.* Идеология и квазинаука // Подвластная наука? Наука и советская власть. М.: Голос, 2010. С. 79–102.
8. *Наджафов Д.Г.* Введение // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. М.: Материк, 2005.
9. *Некрич А.М.* Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981. № 28. С. 301–320.
10. *Павленко Н.И.* Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 24–25.
11. *Сахаров А.Н.* Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 124–161.
12. *Сидоров А.Л.* Институт красной профессуры // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск: ОмГУ 2005. С. 363–409.
13. *Сидоров А.Л.* Рец. на кн.: *Миц И.* История СССР (апрель 1917–1925). Лекции в Высшей партийной школе. М., 1947. // Культура и жизнь. № 33. 1947.
14. *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений. М.: ИРИ РАН, 2008.
15. *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999.
16. *Шаханов А.Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки. Историографический вестник за 2004 г. М.: Наука, 2005. С. 186–207.
17. *Шепилов В.Т.* Советский патриотизм // Правда. 1947. 13 августа.